

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	7
С.В. Куликов. Три России в революции 1917 года: взгляд историка.	9
Александр Бенуа	45
Михаил Богословский	182
Юрий Готье	253
Даниил Фибих	278
Елена Лакиер	320
Владимир Короленко	356
Зинаида Денисьевская	399
Константин Ананьев	404
Никита Окунев	458
<i>Вместо заключения. С.Л. Фирсов. Роковые годы: движение навстречу русской смуте</i>	572

ОТ РЕДАКЦИИ

Благодарим проект «Прожито» (prozhito.org) за все предоставленные справочные материалы, касающиеся текстов дневников и их авторов, контакты с издательствами и правонаследниками и другую необходимую информацию.

Вошедшие в книгу «Моя революция» страницы дневников всех девяти авторов печатаются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, вместе с тем особенности авторской лексики сохранены без изменений. Авторские выделения в текстах приведены курсивом.

Сокращенные редактором фрагменты дневниковых записей в рамках одной даты обозначены угловыми скобками, сокращенные мини-фрагменты в рамках одного предложения — отточием.

Даты записей приведены по новому стилю, старый стиль указан в скобках. Даты, включающие в себя не вошедшие в издание авторские записи, заключены в угловые скобки.

Краткие сведения об упоминаемых в дневниках исторических лицах и участниках событий вынесены в сноски в конце каждого авторского блока и по необходимости повторяются от автора к автору — это сделано специально для удобства читателя.

С.В. КУЛИКОВ

Три России в революции 1917 года: взгляд историка

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать;
И станет глад сей бедный край терзать...

М.Ю. Лермонтов

Русская революция 1917 г. глазами русских людей — такой подзаголовок можно было бы дать предлагаемому вниманию читателей сборнику дневников, которые вели современники революции — люди самых разных социальных положений: художник А.Н. Бенуа, историки Ю.В. Готье и М.М. Богословский, гимназист Д.В. Фибих, сельская учительница З.А. Денисьевская, прапорщик К.В. Ананьев, писатель В.Г. Короленко, студентка Е.И. Лакиер, служащий пароходства Н.П. Окунев. При всей разнице их жизненных судеб их объединило одно — то, что в течение 1917 г. они, как и российские граждане, не оставившие дневников, прожили последовательно в трех Россиях — Царской, Демократической и Советской, причем Царскую Россию от Демократической отделила Февральская революция, Демократическую Россию от Советской — Октябрьская революция. Лозунгом первой России была «Родина», второй — «Революция и Родина», третьей — «Революция», поскольку вторая Россия стала детищем национальной Февральской революции, а третья Россия — интернациональной Октябрьской революции. Вряд ли корректно закономерности, свойственные для России одного периода, автоматически переносить на Россию другого периода, поскольку исторический процесс хотя и непрерывен, универсален, но вместе с тем эта непрерывность обуславливается его прерывностью,

дискретностью — целое создается из частей. Впрочем, неизгладимую печать на историю всего 1917 г. наложило участие всех трех России в Первой мировой войне, которая считается едва ли не главной причиной крушения Царской России. Так ли это на самом деле?

Выступая 14 августа 1917 г. на Государственном совещании в Москве, Верховный главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов открыто признал: «В наследие от старого режима свободная Россия получила армию, в организации которой, конечно, были крупные недочеты. Но тем не менее эта армия была боеспособной, стойкой и готовой к самопожертвованию»^I. На том же совещании 15 августа бывший Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев удостоверил: «В руки новой власти поступила армия, которая способна была выполнять и дальше свой долг и наряду с союзниками вести многострадальную Россию к скорейшему окончанию войны»^{II}. Наконец, председатель Центрального военно-промышленного комитета, бывший военный и морской министр Временного правительства А.И. Гучков тогда заявил, подразумевая канун Февральской революции, что «судьба войны за последние месяцы до революции повернулась в благоприятную сторону» для России, поскольку ее «армия почувствовала себя снабженной и в боевом, и в интендантском отношении так обильно, как никогда»^{III}. Вряд ли у Корнилова, принципиально-го республиканца, Алексеева, более всех генералов содействовавшего победе революции, и Гучкова, ставшего одним из вождей Февральской революции, имелись основания для приукрашивания военных перспектив низложенного старого порядка. Вместе с тем перечисленные персонажи, в силу своего служебного положения, обладали эксклюзивной информацией, а потому игнорировать их выводы было бы по меньшей мере неверно. Очевидно, что к началу Февральской революции Царская Россия войну выигрывала и, вне всякого сомнения, принадлежала к числу стран, являвшихся потенциальными победительницами. Совсем иная картина наблюдается с Демократической Россией: Временное правительство, тщетно пытаясь усидеть на двух стульях — продолжения войны и углубления революции, вело страну к поражению. Наконец, Советская Россия, отдав окончательное предпочтение углублению революции, а не продолжению войны, оформила свое поражение в войне. В свою очередь, мнимое поражение Царской России объясняют неспособностью императорского правительства обеспечить армию вооружением

^I Государственное совещание. М.—Л., 1930. С. 62–63.

^{II} Там же. С. 201.

^{III} Там же. С. 286.

и боеприпасами, что также неверно. Даже советский историк П.В. Волобуев признавал: «После мировой войны в стране остались горы оружия, и не только на складах, но и у населения. Красная армия, например, вплоть до середины 1919 г. снабжалась в основном из запасов военного времени»^I. На упомянутом выше Государственном совещании (август 1917 г.) один из лидеров Кадетской партии Ф.И. Родичев заверил: «У нас есть все материальное, что нужно для победы: миллионы людей, миллионы пар ног и рук, снаряжение и вооружение, орудия, данные нам союзниками, ружья и снаряды»^{II}. А вот еще более авторитетное мнение представителя промышленных организаций Н.Ф. фон Дитмара, заявившего, что «армия снабжалась преимущественно в наибольшем числе именно русскими заводами», и к апрелю 1917 г. «доставка в армию со стороны русских заводов по степени соблюдения сроков и исполнения норм оставила далеко за собой заграничные заводы»^{III}. Как представляется, до Февральской революции военная промышленность России работала эффективно, хотя и можно говорить о разной степени эффективности применительно к ее разным отраслям и периодам функционирования, однако после Февраля все пошло насамаку. Л.Г. Корнилов сообщил: «В настоящее время производительность наших заводов, работающих на оборону, понизилась до такой степени, что теперь в крупных цифрах производство главнейших потребностей армии, по сравнению с цифрами периода с октября 1916 г. по январь 1917 г., понизилось таким образом: орудий — на 60%, снарядов — на 60%». «В настоящее время, — констатировал далее Верховный главнокомандующий, — производительность наших заводов, работающих по авиации, понизилась почти на 80%»^{IV}. Таким образом, об эффективности военной промышленности Демократической России и Советской России, в отличие от Царской России, говорить, очевидно, не приходится.

Еще одну причину падения Царской России видят обыкновенно в том, что императорское правительство не решило продовольственный вопрос, а потому накануне Февральской революции Петроград якобы оказался на грани голода. Но до Февраля 1917 г. проблема состояла не в производстве хлебов, а в их распределении посредством перевозок, прежде всего, по железным дорогам, которые так или иначе, но со

^I Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. Сборник статей. М., 2014. С. 415.

^{II} Государственное совещание. С. 59.

^{III} Там же. С. 264–265.

^{IV} Там же. С. 64–65.

своей задачей справлялись удовлетворительно. Представитель Всероссийского союза инженеров и техников путей сообщения А.Н. Фролов говорил на Государственном совещании: «До революции в железнодорожном транспорте царила рутина. Совершалось много ошибок, делались глупости, но, невзирая на это, работа железных дорог непрерывно во время войны росла, количество перевозок непрерывно возрастало»^I. Ситуация изменилась, естественно, в худшую сторону только после Февральской революции, так что представитель Совета частных железных дорог Н.Д. Байдак в августе 1917 г., имея в виду Временное правительство, заявил: «Нет сомнений, что данное правительством в первые дни переворота направление привело железные дороги к разрухе»^{II}. «После революции, — вторил Байдаку Фролов, — работа железных дорог непрерывно падает, и в июле месяце, в это легчайшее время для железнодорожного движения, работа железных дорог была меньше, чем в январе, когда половина наших железных дорог была засыпана снегом»^{III}.

Развал железнодорожного транспорта начался не в Царской России, а в Демократической России и усугубился в Советской России, сопровождаясь наступлением настоящего голода. Сам министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский в августе 1917 г. публично говорил про «голодающие города» и «все более и более расстраивающийся транспорт»^{IV}, а представитель Всероссийской сельскохозяйственной палаты и сельскохозяйственных обществ К.Н. Капацынский заявил: «У нас с момента революции, надо сказать правду, не было Министерства земледелия, а было и есть Министерство политической подготовки страны к проведению аграрной реформы. Сельское же хозяйство совершенно забыто, и приходится вести ломку земельного строя не при нормальных условиях, а при кризисе сельского хозяйства всей страны, когда вместо полей явились какие-то площади пустырей»^V. Наблюдавшееся после Февраля 1917 г. вторжение политики в экономику привело к тому, что проблематичный характер обрело не только распределение, но и само производство хлеба. Почему же рождались мифы, подобные рассмотренным выше?

Главная причина — настоящая пропасть, которая к 1917 г. лежала, на ментальном уровне, между оппозиционной интеллигенцией,

^I Там же. С. 173.

^{II} Там же. С. 172.

^{III} Там же. С. 173.

^{IV} Там же. С. 5.

^V Там же. С. 241.

стремившейся к власти и ради ее достижения не гнушавшейся сознательной дискредитацией императорского правительства, и народом, сохранявшим, по крайней мере в своем большинстве, верность историческим устоям, и эту-то верность оппозиционеры и стремились ослабить. Подразумевая вождей Февральской революции, швейцарец и республиканец П. Жильяр, наставник сына Николая II Алексея Николаевича, отмечал: «Забыли, что Россия состоит не только из пятнадцати-двадцати миллионов людей, созревших для парламентарного строя, но включает в себе также от ста двадцати до ста тридцати миллионов крестьян, по большей части необразованных и несознательных, для которых царь оставался Помазанником Божиим, тем, кого Господь избрал для направления судеб великой России. Привыкнув с самого раннего детства слышать поминание царя на ектениях и в самые торжественные минуты литургии, мужик естественно приписывал ему в своей мистически настроенной душе почти Божественные свойства... Русская революция должна была ринуться в пустоту, образовавшуюся вследствие крушения царской власти, с той потребностью безусловного и стремлением к крайностям, которые присущи славянской природе, с такой бурной силой, что никакая форма правления не могла бы ее остановить; таким образом ей предстояло докатиться до полного политического и религиозного нигилизма, до анархии»¹. Пропасть между интеллигенцией и народом углублялась разницей в настроениях между столицами, прежде всего — Петроградом, настроенным оппозиционно и даже революционно, и провинцией, разделявшей по преимуществу патриархальные настроения.

Воспроизводя свои впечатления о настроении петроградского истеблишмента в конце 1916 г., тогдашний минский губернатор князь В.А. Друцкой-Соколинский, находившийся в это время в столице, вспоминал: «Все роптали, все сетовали, все негодовали, и, главное, все сплетничали, и все злословили. Меня, как свежего человека, поразило то обстоятельство, что в петербургском обществе конца 1916 г. исчезли совершенно сдерживающие начала, исчезли те верхи, которые до сего времени считались недоступными, не подлежащими критике. Мне думается, что к этому времени все нравственные пределы и границы были утеряны». Подтверждение приведенному выводу Друцкой видел в том, что его друг, директор Департамента общих дел МВД П.П. Стремоухов, ответил князю на вопрос «о настроениях „сфер“, о настроении общества и настроении вообще», указав на портрет Александры Федоровны: «Эта

¹ Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 г. — Екатеринбург, май 1918 г.). Вена, 1921. С. 142–143.

дрянь всех нас губит!»^I Уже в эмиграции Стремоухов подверг полному переосмыслению свое мнение о царице и солидаризировался с Друцким по вопросу о причинах падения монархии. «Ближайшие родственники, знать, главное командование и общество, — подчеркивал Стремоухов в 1924 г., имея в виду ситуацию кануна Февральской революции, — рубили с каким-то наивным ожесточением тот сук, на котором они сидели»^{II}.

Опровергая мнение, что «движение, которое обрисовывалось в начале февраля 1917 года, было по происхождению народным», Жильяр утверждал: «Этого вовсе не было, и в нем участвовали только правящие классы; широкие массы оставались безучастными. Монархия была свергнута вовсе не поднявшимся из глубины бурным валом, как об этом говорили; наоборот, ее крушение подняло такую страшную волну, которая поглотила Россию и едва не затопила соседние государства»^{III}. Вот как описал флигель-адъютант Николая II А.А. Мордвинов состоявшуюся утром 28 февраля 1917 г., на некой железнодорожной станции, встречу царского поезда офицерами и солдатами находившегося на ней пехотного полка: «Мы проезжали замедленным ходом какую-то небольшую станцию, на которой стоял встречный поезд с эшелоном направлявшегося на фронт пехотного полка. Им, видимо, было уже известно о проходе императорского поезда: часть людей с оркестром стояла, выстроенная, на платформе, часть выскакивала из теплушек и пристраивалась к остальным, часть густой толпой бежала около наших вагонов, заглядывая в окна и сопровождая поезд. Его величество встал из-за стола и подошел к окну. Звуки гимна и громовое „ура“, почти такой же искренней силы, как я слышал на последнем смотре запасных в Петрограде, раздались с платформы при виде Государя и невольно наполнили меня вновь чувством надежды и веры в нашу великую военную семью и благоразумие русского народа»^{IV}.

Проезжая 1 марта Старую Руссу, Николай II мог убедиться лично, что революционное движение захватило пока что только Петроград и его окрестности. «Огромная толпа заполняла всю станцию, — вспоминал придворный историограф, генерал Д.Н. Дубенский, находившийся в свитском поезде. — Около часовни, которая имеется на платформе,

^I Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994. С. 243–244.

^{II} Стремоухов П.П. Императрица Александра Федоровна в ее письмах // Русская летопись. 1924. Кн. 6. С. 75.

^{III} Жильяр П. Указ. соч. С. 144–145.

^{IV} Мордвинов А.А. Отрывки из воспоминаний // Русская летопись. 1923. Кн. 5. С. 96.

сгруппировались монахини местного монастыря. Все смотрели с большим вниманием на наш поезд, снимали шапки, кланялись. Настроение глубоко сочувственное к царю, поезд которого только что прошел Руссу, и я сам слышал, как монахини и другие говорили: „Слава Богу, удалось хотя в окошко увидеть Батюшку-Царя, а то ведь некоторые никогда не видали его“. Всюду господствовал полный порядок и оживление. Местной полиции, кроме двух-трех урядников, станционных жандармов, исправника, никого и не было на станции. Я не знаю, было ли уже известно всему народу о создании „Временного правительства“, но железнодорожная администрация из телеграммы Бубликова должна была знать о переменах и распоряжениях Государственной думы, тем не менее все было по-прежнему, и внимание к поезду особого назначения полное». «Невольно думалось, — отмечал Д.Н. Дубенский, — об этой разнице в отношении к царю среди простого народа в глубине провинции, здесь в Старой Руссе, и теми революционными массами Петрограда с солдатскими бунтами, благодаря которым государь принужден вернуться с своего пути на Царское Село»¹. И такая ситуация наблюдалась за один день до 2 марта 1917 г., когда Николай II «по воле народа» отрекся от престола! Жильяр совершенно справедливо подчеркивал: «Распространение революционного движения ограничивалось Петроградом и ближайшими окрестностями. И, несмотря на пропаганду, престиж царя был еще значителен в армии и не тронут среди крестьян»^{II}. Почему же, однако, революция вспыхнула, хотя бы только первоначально в одном Петрограде?

Причинами Февральской революции были не реальные события, а мифы, которые муслировались оппозиционерами и революционерами, охватили коллективное сознание, прежде всего правящей элиты, и приняли формы классического массового психоза. Главным из этих мифов явилась «легенда о сепаратном мире», согласно которой императрица Александра Федоровна, как немка по крови, вдохновляемая «старцем» Г.Е. Распутиным (убитым в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г.), а затем — почитателем «старца», министром внутренних дел А.Д. Протопоповым, вольно или невольно стремилась к измене союзникам России по Антанте и заключению сепаратного мира с Германией. Правые и левые, верхи и низы верили, что раз Николай II, как «безвольный человек», полностью подчиняется Александре Федоровне, то ради победы над Германией необходимо, как минимум, низложить императора и его супругу.

¹ Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России // Русская летопись. 1922. Кн. 3. С. 46.

^{II} Жильяр П. Указ. соч. С. 148.

Один из лидеров Партии народных социалистов, историк С.П. Мельгунов непосредственно после победы Февральской революции полагал, что Николая II отличало «моральное и умственное убожество», Александра же Федоровна вообще являлась «отчасти психически ненормальной». «В истории, — заключал Мельгунов как известный историк, — на царствовании Николая II впредь будут останавливаться только для того, чтобы показать на примере один из наиболее ярких моментов уродства царизма»^I. Только в эмиграции Мельгунов, оставаясь республиканцем и социалистом, но опираясь на анализ неизвестных ранее документов, ревизовал собственные представления о деятельности Николая II в период Первой мировой войны и накануне Февральской революции. «У царя, — подчеркивал Мельгунов, — в годы войны, очевидно, не было отталкивания от Думы, которая становилась на пути его самодержавия»^{II}. Комментируя утверждение о том, что во время войны и перед революцией Николай II «абсолютно не отдавал себе отчета в роковом значении разыгрывающихся событий», историк констатировал: «Это мало соответствовало действительности». По мнению Мельгунова, «во время войны вступить на путь „решительной борьбы“ с общественностью» монарху мешало «глубоко разложенное в нем патриотическое чувство»^{III}. «Несомненно, — опровергал историк еще один миф — о Г.Е. Распутине, — сильно преувеличено и представление о совершенно исключительном политическом влиянии находившегося при дворе „Друга“». Хлесткую фразу одного из лидеров оппозиции В.И. Гурко, высказанную им публично в сентябре 1915 г., о необходимости «власти с хлыстом, но не такой власти, которая сама находится под хлыстом» (Г.Е. Распутина подозревали, помимо германофильства, еще и в хлыстовстве), Мельгунов отнес «к обычным демагогическим приемам общественной агитации»^{IV}. Наконец, имея в виду «концепцию» о стремлении Николая II и Александры Федоровны к сепаратному миру, Мельгунов отмечал, что «последующее» с «убедительностью и отчетливостью показало всю необоснованность всей этой концепции»^V.

^I Мельгунов С.П. Последний самодержец (Черты для характеристики Николая II). М., 1917. С. 4, 7, 9, 16.

^{II} Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. М., 2003. С. 68, 69.

^{III} Там же. С. 199.

^{IV} Там же. С. 68, 69.

^V Там же. С. 74.